

УДК 821.161.1.09"19"

Т. П. Баталова

*Независимый исследователь (г. Санкт-Петербург)
batalovatp@yandex.ru*

Г. В. Федянова

*Независимый исследователь (г. Санкт-Петербург)
fedyanovagv@yandex.ru*

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. Н. МЕДВЕДЕВА

Авторы статьи ставили своей целью проанализировать методологические принципы изучения творчества Достоевского, разработанные выдающимся литературоведом, критиком и публицистом 1920-х – 1930-х годов, репрессированным по фальсифицированному политическому обвинению и расстрелянным НКВД в 1938-м, имя которого в 1973 году было незаконно превращено в литературную маску М. М. Бахтина. Результаты проведенного исследования показывают оригинальность методологических принципов Медведева и доказывают необходимость возвращения в науку имени этого выдающегося учёного и его трудов.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, П. Н. Медведев, роман, идея, герой, творчество, жанр.*

Tamara P. Batalova

Independent researcher, Saint Petersburg

Galina V. Fedianova

Independent researcher, Saint Petersburg

F. M. DOSTOYEVSKY IN THE CREATIVE HERITAGE OF P. N. MEDVEDEV

The authors of the article set as their goal to analyze the methodological principles of studying Dostoevsky's work, developed by an outstanding literary critic, critic and publicist of the 1920s – 1930s, who was repressed on a falsified political charge and shot by the NKVD in 1938, whose name in 1973 was illegally turned into the literary mask of M. M. Bakhtin. The results of the study show the originality of Medvedev's methodological principles and prove the need to return to science the name of this outstanding scientist and his works.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, P. N. Medvedev, novel, idea, hero, creativity, genre.*

В начале 2019 г. вышло в свет двухтомное «Собрание сочинений» Павла Николаевича Медведева (1891–1938). Эта книга восстанавливает, выводит из забвения имя выдающегося учёного, литературоведа, критика 1920-х – 1930-х гг., репрессированного и расстрелянного по фальсифицированному политическому обвинению и позднее реабилитированного. Но в 1973 г. имя П. Н. Медведева, так же как и имя В. Н. Волошинова, было превращено в литературную «маску» М. М. Бахтина.

Авторское имя П. Н. Медведева ждало своей реабилитации до выхода вышеназванного двухтомника. Павел Николаевич Медведев – литературовед, критик, общественный деятель. Научная проблема, которую он разрабатывал, – методологические основы литературоведения. Главные его труды – «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» (1928) и «В лаборатории писателя. К вопросу об изучении художественного творчества» (1933).

Основным предметом исследования этого учёного были закономерности развития русской литературы, методология его изучения. В «Собрании сочинений» Медведева опубликована лишь треть выявленных на сегодня его работ. Это работы о русских классиках – Пушкине, Гоголе, Льве Толстом, Тургеневе, Достоевском, и о современных писателях – Блоке, Белом, Есенине, Сологубе, Анненском, Форш. Медведев писал и о новых литературных направлениях, и о современных ему критиках. В методологическом отношении он критиковал формальный метод, противопоставляя его социологической поэтике.

В январе 1917 г., Медведев писал: «...самим ходом своего развития, силою традиций и властью малокультурности русская критическая мысль двинута по ложному пути <...>. Воспитанная на механическом мирозерцании, она и в область искусства внесла его губи-

тельные навыки и методы. Строительство критической мысли было подчинено принципам инженерного мастерства» [15, т. 1, с. 178].

Таким образом, своими работами Медведев направлял развитие критики, а через неё – и развитие литературы.

Медведев читал лекции о Достоевском, написал ряд статей о творчестве писателя, по поводу появившихся тогда изданий. И хотя у Медведева нет монографии, посвящённой Достоевскому, всё, написанное им о Достоевском, – лаконично, точно, выверено и глубоко. Здесь учёный выделяет основные методологические принципы изучения творчества Достоевского.

Большое внимание Медведев уделял проблеме гениальности. Собранный им и систематизированный материал позволяет выделить особый репрезентативный ряд в искусстве: Данте, Микеланджело, Шекспир, Байрон, Гёте, Бах, Скрябин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой и многие другие объединены своей значимостью в мировой культуре.

Непосредственно имя Достоевского включено в, так сказать, Русский литературный ряд, представляющий в то же время мировую литературу. Медведев писал: «Именно на примере Гоголя, как и Толстого, и Достоевского, ясно видно, что гений всегда больше и полнее, чем художник, каким бы исключительным талантом певучей силы последний ни был бы одарён. Удел таланта, удел только художника – творчество новых мыслей, новых слов, новых книг. Удел гения – творчество или, по крайней мере, алкание новых форм жизни, нового бытия» [15, т. 1, с. 191].

Медведев отмечал особое место Достоевского не только в развитии русской литературы, но и культуры, общественной жизни: «До революции не для одного поколения русской интеллигенции Достоевский был подлинным властителем дум» [15, т. 1, с. 245].

Эффект воздействия художественного произведения на читателя выясняется Медведевым через его учение о жанре:

Жанр, по Медведеву, – это конкретная художественная форма овладения и завершения данным писателем объективной действительности [См.: 1, т. 2, с. 198–211]. При создании художественного произведения писатель через жанр видит действительность.

Применяя это положение к нашему восприятию романного наследия Достоевского, в частности «Бесов», мы должны согласиться, что через жанр своего романа Достоевский видел «бесноватость» «сбившихся с пути» предводителей потерявшей веру молодёжи. Эта ситуация усложнилась и переросла в революцию 1917 г. Русская интеллигенция приняла это обстоятельство за реализацию романа «Бесы».

В 1918 г. Н. А. Бердяев трактует роман Достоевского «Бесы» как предвидение русской революции. «Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь “Бесы”, то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать <...> “Бесы” – книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции» [1]. О тяжёлых впечатлениях, возникающих при сопоставлении романа «Бесы» и революционных событий, в том же 1918 г. пишет С. С. Борщевский: «Жуткие образы Липутина, Верховенского и присных обрели своё выражение в злобе нашего дня, воплотились в живых людей современности. И Россия, в массе безграмотная, читает, не ведая того, пророческие страницы “Бесов”» [5, с. 21].

Особое место в этом отношении занимает написанная в январе 1918 г. поэма А. Блока «Двенадцать». Можно полагать, что в образах Двенадцати нашли своё развитие Федька Каторжный и Фомка Шпигулинский («Бесы»).

Интерес к Достоевскому усилился в связи с отмечаемым в 1921 г. столетием со дня рождения писателя. «Литературные круги готовятся к чествованию памяти Достоевского. Пушкинский Дом в Петрограде устраивает <...> выставку и торжественное собрание с участием

литературных организаций. То же в более широких размерах предположено в Москве» [7, с. 10, 18].

Существовавшее в обществе противоречивое отношение к Достоевскому отразилось на страницах журнала Русского библиологического общества «Вестник литературы» (ВЛИТ). В журнале опубликованы статьи с позитивной оценкой Достоевского А. С. Долинина [7, с. 2, 3], Петра Быкова [7, с. 2, 4–5], А. Ф. Кони [7, с. 2, 6–9] и др. В статье В. Б. Врасной «Достоевский о Пушкине» читатели знакомы с поступившими в ИРЛИ и ранее не опубликованными фрагментами черновиков речи Достоевского о Пушкине на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г. [7, с. 2, 5–6]. Видимо, для соблюдения объективности редактор журнала Е. А. Кауфман печатает в № 10 журнала «Особое мнение» о Достоевском Ю. И. Айхенвальда, который пишет: «И потому создатель “Бесов” – живой, одушевлённый эпитафия к теперешней кровавой летописи; мы нынче как бы перечитываем, действительно и страдальчески перечитываем этот роман, претворившийся в действительность». Заданность «особого» мнения потребовала финала, противоречащего основному содержанию статьи: «<...> нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути» [7, с. 10.1].

Эта ситуация раскрывается теорией «жанра» Медведева. Дело не в том, что Достоевский предвидел революцию в России, а в том, насколько глубоко он проник в особенности русской жизни, которые развились в новые формы бытия: из частных черт превратились в общие, в государственные.

Таким образом, в 1872 г. Достоевский «овладел» русской действительностью и «завершил» русскую действительность того времени в жанре «Бесов». Художественные образы этого романа помогли осмыслить сущность нового исторического этапа в России 1917 г.

В 1922 г. в Москве Центрархивом (и в Мюнхене) по корректурным листам под названием «Исповедь Ставрогина» впервые была издана глава романа Достоевского «Бесы» «У Тихона», изъятая из романа при публикации в «Русском Вестнике» [см.: 15, т. 1, с. 245]. В связи с этим развернулись дискуссии о прототипах Ставрогина (Нечаев, Бакунин, Спешнев) и о возможности восстановления «усекновенной главы» «Бесов» в тексте романа при его переиздании. По этим вопросам появился ряд исследований: А. С. Долинина – «Исповедь Ставрогина» [11], Н. Л. Бродского – «Угасший замысел» [6], В. Л. Комаровича – «Неизданная глава романа “Бесы”» [13], С. П. Боброва – «Я, Николай Ставрогин» [4], Л. П. Гроссмана – «Стилистика Ставрогина» [10], его же – «Спешнев и Ставрогин» [9], Ал. Бёма – «Эволюция образа Ставрогина» [2], его же – «Сумерки героя» [3], С. И. Гессена – «Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина)» [8] и др.

Медведев подчёркивает, что для Достоевского при создании произведений первоочередной задачей было не создание образа героя, не поиск его прототипа. Главным для писателя было «напасть на идею». Поэтому при исследовании творчества Достоевского главное внимание необходимо обращать на Идею. Критик подтверждает свои выводы работами Д. В. Аверкиева и Б. М. Энгельгардта.

Так, Аверкиев пишет: «По словам Фёдора Михайловича, при создании художественного произведения важнее всего предварительно напасть на удачную идею. В этом – главная трудность. <...> Напасть на удачную идею для него значило уловить явление важное в общественном смысле, и при том, именно такое, на которое в настоящую минуту следовало обратить внимание» [15, т. 2, с. 392]. Не случайно Медведев в сборнике «Достоевский. Статьи и материалы (под ред. А. С. Долинина. Пг.: Мысль, 1925) выделяет статью Энгельгардта: «Как раз о роли идейного начала в творчестве Достоевского говорит Б. М. Энгельгардт в великолепной статье “Идеологический роман Достоевского”. Для автора Достоевский – историк “случайного племени”, изобразитель диалектики “идей”: для него романы Достоевского образуют своеобразную художественную “феноменологию духа русской интеллигенции” и “недушевная ана-

литика”, но духовная проблематика, опирающаяся на диалектический метод, дана в философских концепциях Достоевского. Исходя из этих общих положений, автор намечает интересную тематическую шкалу произведений Достоевского – от тем русского сверхчеловека (Раскольников, Кириллов) до темы русского праведника, оставшейся невоплощённой» [15, т. 1, с. 248].

Таким образом, герой в творчестве Достоевского – воплощение идеи автора, происходящее, как подчёркивает Медведев, в «муках творчества». Один из разделов книги «В лаборатории писателя» назван «Муки творчества». Теоретические постулаты подкреплены многочисленными историческими фактами. Критик изучает эвристические аспекты творчества Достоевского, наблюдавший как бы со стороны, за пределами творящего «Я» и одновременно постигавший драму «мук творчества», был особенно интересен исследователю. Образ героя появляется и развивается в соответствии с внутренней логикой замысла писателя. Медведев пишет: «Об этой внутренней логике творчества, часто противоречащей сознательным намерениям автора, свидетельствуют очень многие художники. Напомним Достоевского, Л. Толстого и Скрябина, свидетельства которых как ярких художников-индивидуалистов особенно знаменательны» [15, т. 2, с. 316].

Медведев особое внимание читателя привлекает к материалам работы Достоевского над «Идиотом». Достоевский сообщает в письме к Майкову от 12 января 1868 г. следующее: «В общем план создан. Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают. Но целое? Но герой?.. Потому что целое выходит у меня в виде героя. Так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьётся ли он под пером? И вообразите, какие, сами собой вышли ужасы: сказалось, что кроме героя есть и героиня, а стало быть, два героя!! И, кроме этих героев, есть два характера – совершенно главных, т.е. почти героев. (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчётом, – бесчисленное множество, да и роман в 8 частях.). Из четырёх героев – два обозначены в душе у меня крепко, один ещё совершенно не обозначился, а четвёртый, т.е. главный, т.е. первый герой чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но – ужасно труден» [15, т. 2, с. 316].

Таким образом, в подходах к изучению творчества Достоевского Медведев выделяет два важнейших момента: сущность жанра произведения и его идейное начало. В статье «О литературном наследстве Достоевского» критик ставит проблему и о третьей коренной черте произведений писателя. Медведев, очевидно, имеет в виду духовную сторону творчества Достоевского – Православное воззрение.

В страстную пятницу 1856 г. Достоевский пишет барону А. Е. Врангелю о статье, которую он написал на каторге, видимо, мысленно – о христианстве в искусстве: «Всю её до последнего слова я обдумал ещё в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут не согласны многие. Но я в свои идеи верю и того доволен. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. В некоторых главах будут страницы из памфлета. Это собственно о назначении христианства в искусстве. Только дело в том, где её поместить?» [12, т. 28, кн. 1, с. 229].

Эту статью, «на след которой удалось напасть», Медведев считает «очень важной статьёй». «Это – написанная Достоевским на каторге большая, не менее двух печатных листов статья о христианстве в искусстве. Есть основания полагать, что именно этой статьёй хоть несколько раскрылась бы та духовная революция, которую несомненно пережил и выстрадал Достоевский в Сибири.

Во всяком случае без неё этот период, главнейший период жизни Достоевского как-то странно расколот: “Маленький герой”, написанный в 1849 г. в Петропавловской крепости, затем – “Дядюшкин сон” – 1859 г., в том же году “Село Степанчиково и его обитатели”, “Записки из мёртвого дома” – 1861–1862 гг. и вдруг – потрясающие “Записки из подполья” и “Преступление и наказание”.

Вышеуказанная статья о христианстве в искусстве, может быть, пролила бы свет на это, не вполне ожидаемое “вдруг”. Нет ли этой статьи в архиве вдовы Достоевского – Анны Григорьевны?» [15, т. 1, с. 204–205]. В Полном собрании сочинений Достоевского к этой статье дан комментарий: «Статья “О назначении христианства в искусстве” была сочинена Достоевским на каторге, но не записана» [12, т. 28, кн. 1, с. 229]. Если учесть замечание Достоевского, что о «назначении христианства в искусстве» речь идёт в некоторых главах, можно предположить, что впоследствии Достоевский свои мысли выразил в статье «Социализм и христианство».

Сто лет назад, в 1921 г., Медведев писал: «Хочется верить, что столетняя годовщина Достоевского напомнит о долге, который не заплачен ещё величайшему нашему писателю, исследователям русской литературы о необходимости собрать, наконец, и подготовить к печати всё, написанное Ф. М. Достоевским о государственной власти – издать полное, действительно полное собрание его сочинений» [15, т. 1, с. 206]. В настоящее время издаётся новое Полное собрание сочинений Достоевского. Но проблема о «действительно полном» собрании сочинений писателя остаётся.

Изданием Собрания сочинений Павла Николаевича Медведева авторское право писателя юридически восстановлено. Но в Большой Российской энциклопедии в статье В. Л. Махлина «Бахтин Михаил Михайлович» [14] работы П. Н. Медведева приписаны М. М. Бахтину. Та же не отвечающая действительности точка зрения высказана и в статье Д. А. Силичева в «Русской философии» [16]. К сожалению, ложная версия авторства не устранена из каталогов крупнейших российских библиотек – РГБ, РНБ, БРАН; в библиотеках ИМЛИ и ИРЛИ книги П. Н. Медведева читатель может найти только в фонде М. М. Бахтина...

В 1929 г. П. Н. Медведев совершил гражданский подвиг: отредактировал и издал книгу «Проблемы творчества Достоевского» арестованного за участие в философско-религиозном кружке, приговорённого к Соловкам М. М. Бахтина. Позднее, по возвращении Бахтина из ссылки, Медведев помог своему другу, у которого тогда не было документов не только о научной степени, но и об образовании, даже среднем, устроиться преподавателем в Мордовский университет. Медведеву способствовал его безоговорочный авторитет и издание им книги Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Таким образом, Медведев спас для науки Бахтина. Содружество П. Н. Медведева, М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова способствовало при взаимной поддержке их индивидуальностей выработать общую научную концепцию языка и словесного творчества, но не для того, чтобы, воспользовавшись смертью двух из них, приписать все труды одному, пережившему своих друзей третьему! Правда – и научная, и жизненная – должна быть восстановлена, хотя бы в наше время.

Литература

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.-Пг.: Русская мысль, 1918.
2. Бём А. Л. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина») // Труды 1-го Съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. С. 177–213.
3. Бём А. Л. Сумерки героя. (Этюд к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского) // Научные труды Русского народного университета в Праге. 1931. Т. 4. С. 158–172
4. Бобров С. П. «Я, Николай Ставрогин...» // Красная новь. 1922. № 2. С. 332–336.
5. Борщевский С. С. Новом лице в «Бесах» Достоевского // Слово о культуре. Сборник критических и философских статей. М.: Издание М. Гордон-Константиновой, 1918. С. 21–46.
6. Бродский Н. Л. Угасший замысел // Документы по истории литературы и общественности. Вып. Первый. Ф. М. Достоевский. 1. «Исповедь Ставрогина». 2. План «Жития великого грешника». М.: Изд-во Централхива РСФСР, 1922. С. 47–59.
7. Вестник литературы (ВЛИТ). Пг., 1921.
8. Гессен С. И. Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина) // Путь. Париж, 1932. № 36. С. 44–74.
9. Гроссман Л. П. Спешнев и Ставрогин // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 130–136.

10. Гроссман Л. П. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы «Бесов» // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Сб. статей. М.-Л.: Мысль, 1925. С. 139–148.
11. Долинин А. С. «Исповедь Ставрогина» (В связи с композицией «Бесов») // Литературная мысль. Вып. 1. Пг.: Мысль, 1933. С. 139–162.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Ссылки на это издание даны в тексте в квадратных скобках с указанием номера тома, книги и страницы.
13. Комарович В. Л. Неизданная глава романа «Бесы» («Исповедь Ставрогина») // Былое. 1922. № 18. С. 219–226.
14. Махлин В. Л. Бахтин Михаил Михайлович // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 130–131.
15. Медведев П. Н. Собрание сочинений: в 2 т. СПб: Росток, 1918. В тексте ссылки на это издание даны в квадратных скобках с указанием номера тома и страницы.
16. Силчев Д. Ф. Бахтин Михаил Михайлович // Русская философия. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007.

УДК 821.161.1.09"19"

Л. Ю. Стрельникова

Армавирский государственный педагогический университет

В. В. НАБОКОВ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ: ЗАПАДНЫЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В статье рассматривается специфика отношения писателя русского зарубежья В. Набокова к творчеству Ф. М. Достоевского. Основная мысль заключается в том, что Набокова и Достоевского следует воспринимать как антагонистов. Набокова нельзя назвать преемником идей Достоевского, поскольку его нескрывааемый эстетизм вступал в противоречие с духовными идеалами русского классика XIX века.

Ключевые слова: В. Набоков, Ф. М. Достоевский, принцип преемственности, модернизм, классика.

Larisa Yu. Strelnikova

Armavir State Pedagogical University

V. V. NABOKOV ABOUT F. M. DOSTOYEVSKY: A WESTERN VIEW ON RUSSIAN LITERATURE

The article deals with the specifics of the attitude of the Russian writer abroad V. Nabokov to the work of F. M. Dostoevsky. The main idea is that Nabokov and Dostoyevsky should be seen as antagonists. Nabokov cannot be called the successor of Dostoevsky's ideas, since his undisguised aestheticism came into conflict with the spiritual ideals of the Russian classic of the 19th century.

Keywords: V. V. Nabokov, F. M. Dostoevsky, the principle of continuity, modernism, classics.

В творчестве одного из выдающихся западных писателей русского происхождения В. Набокова причудливо соединились эстетические модели русского модернизма (в частности, символизма), а также творческие достижения западноевропейской литературы.

Западная литература на рубеже XIX–XX веков обратилась к разработке мифологической сверхреальности и ощущавшему пустоту существования человеку (Пруст, Гессе, Набоков, Джойс, Камю, Сартр и др.), следуя идеям ницшеанского богоборчества и фрейдовского психоанализа, утверждения разрушительного «фаустовского духа» современной культуры. Опираясь в определенный период на традиции русской классики, Набоков, тем не менее, интерпретирует творчество великих русских писателей, таких как Пушкин, Толстой, Тургенев, Достоевский, с позиций западной эстетики. Примером тому может быть отношение Набокова к творчеству Достоевского, и это позволяет говорить о том, что писатель воспринял импульсы западноевропейской культуры в большей степени, чем русской.

Отношение Набокова к Достоевскому было сложным и неоднозначным. Известны его резкие выпады в адрес великого русского писателя, пародийное переосмысление его идей, образов. Тому есть целый ряд причин, восходящих в первую очередь к несовпадению эстетических и мировоззренческих взглядов Набокова и Достоевского. В представлении Набокова, филосо-